

А. Н. Куклин, Фонетика красноуфимского говора марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1983

28 февраля 1983 года в Тартуском государственном университете перед Специализированным советом Д 069.02.02 по приговору ученой степени доктора наук защитил кандидатскую диссертацию младший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР А. Н. Куклин по теме «Фонетика красноуфимского говора марийского языка». Научный руководитель — доктор филологических наук профессор П. Аристэ. Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук профессор И. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук П. Кокла (Таллин).

Нельзя сказать, чтобы диалектология в марийском языкознании была обойдена вниманием. Сравнительно недавно фонетику отдельных говоров в рамках диссертаций изучали Д. Е. Казанцев (йошкар-олинский говор), И. Г. Иванов (тоншаевский говор), З. В. Учаев (малмыжский говор). Однако фонетика уральских говоров марийского языка до сих пор еще не исследовалась. Ряд работ, посвященных диалектам, пополнился теперь исследованием А. Н. Кукулина. Тема работы актуальна: фонетика красноуфимского говора (КУ) до сих пор не изучена; в то же время благодаря своему географическому положению говор имеет много своеобразных черт, представляющих интерес для исследователя. В изоляции от других носителей марийского языка КУ сохранил архаичные черты. С другой стороны, контакты с татарским, башкирским, русским и удмуртским языками способствовали возникновению на всех уровнях языка явлений, несомненно нуждающихся в объяснении. Кроме того, с исследованием этого диалекта медлить нельзя, поскольку он быстрыми темпами ассимилируется.

Основная цель автора — выявление гласных и согласных фонем, их аллофонов в красноуфимском говоре марийского языка, а также закономерностей их выступления в различных фонетических условиях. Он рассматривает видоизменения фонем в потоке речи, приводит фонетиче-

ские особенности КУ по сравнению с литературным языком, а также своеобразие, появление которых вызвано длительными контактами с другими языками. И, наконец, в его намерение входит установление границ распространения КУ.

Источником исследования послужили экспедиционные материалы (полевые записи и магнитофонные ленты), собранные автором в течение нескольких лет. Используются также хранящиеся в архиве МарНИИ рукописные материалы. Сбор проводился в 15 населенных пунктах Свердловской и Пермской областей.

Исследователь в основном пользуется методом синхронического описания, дополняя его диахроническими наблюдениями. При описании артикуляции звуков применены фотографирование губ, палатография и рентгенография (работа снабжена 64 соответствующими иллюстрациями). При интерпретации некоторых фонетических явлений использован метод лингвистической географии.

Объем работы — 192 машинописные страницы, он включает предисловие и введение, две главы и заключение. Затем следует пять приложений (с. 193—214). Во введении (с. 14—32) подробно излагается история исследования КУ.

Первая глава (с. 33—87) посвящена вокализму. В красноуфимском говоре автор устанавливает 9 гласных фонем: *ä, õ, e, ï, i, ê, a, o, u*. К ним примыкает редуцированный передний гласный *э*, представляющий собой аллофон фонемы *ä*.

Гласному *ä* отведено особенно много внимания. Среди марийских гласных он выделяется тем, что выступает отнюдь не во всех диалектах и не встречается в литературном языке. По мнению автора, мар. *ä* первого слога можно возвести к ф.-у. **ä*. История этого гласного в марийском языке вызвала принципиальные споры. Во всяком случае с автором можно согласиться, что в древнемарийском языке употребление *ä* сильно сократилось, однако в период обособленного развития КУ его встречаемость значительно увеличилась. Свою роль здесь сыграли и контакты с тюркскими языками. В непервых слогах *ä*

сохранился и даже распространился благодаря строжайшим правилам гармонии гласных.

При рассмотрении гласного *ō* (это относится и к другим звукам, напр. *ū*) можно было бы четко различить выступление его в словах финно-угорского происхождения и заимствованиях. Анализируя *e*, автор ясно высказал свое мнение о происхождении *e* современного КУ: частично восходит к домар. **e* (*ke-ĕe* 'день, солнце'), частично — к домар. **ä* (*mel* 'нагрудное украшение'). В отношении заимствований обстоятельно показано, какие татарские, чувашские и русские гласные представляет в КУ *e*. Гласный *ū* в КУ встречается чаще, чем, например, в лугово-марийском. Прежде всего это касается непервых слогов: *kūmū-ž* 'блюдо' — марЛ *kū-māž*, *šūšpū-k* 'соловей' — марЛ *šū-špāk*. Здесь налицо ассимиляция, которая вступает в силу с перемещением ударения на конечный слог.

Анализ гласного *i* привлекает внимание своей детальностью. Это и оправданно: *i* является как бы индикатором, широкое употребление которого отличает восточный от остальных марийских диалектов: КУ *i* — МарЛ *î* (*pî-zle* 'рябина' — *pâzle*), КУ *î* — МарЛ *ū* (*išā-n* 'вера' — *ūša-n*).

В КУ имеется два редуцированных гласных *â* и *ə*, из них фонемой является только *â*, поскольку *ə* выступает как ее позиционный вариант. С этим следует согласиться, если действительно нет ни одной минимальной пары, подтвердившей бы фонемность *ə*. Проблема редуцированного гласного в целом верно освещена. Правда, автор прошел мимо связи между ударением и возможностями выступления *â/ə*. Особенно в непервых слогах ударение в данной связи имеет принципиальное значение. Автор, к сожалению, не обратил внимания на обстоятельные работы по этой проблеме Эрки Итконена (UAJb. 41, 1969) и Габора Берецки (UAJb. 43, 1971), учет которых сослужил бы пользу при оценке возможных иноязычных влияний на развитие *â/ə*.

Гласный *a* в КУ произносится как более задний звук, чем в лугово-марийском и литературном языке (в марийском языкознании *a* относят в т. н. мешанный ряд). В русских заимствованиях выступление *a* усложнено. Ключевым вопросом

служит ударение и связанное с ним функционирование гармонии гласных. Всех отдельных случаев автор все же не коснулся, например, замещение ударного рус. *o* гласным *a* в типе *ведра-* от *ведро*, *тоф-а* от *топор*. Определяющая роль ударения наглядна в типе *ла-мбе* от *лампа*, *во-ĕко* от *бочка*, где лабиальная гармония гласных определяет конечные гласные. Выступление гласного *o* в ауслауте также зависит от лабиальной гармонии гласных. При этом в КУ конечный *o* может перетянуть на себя ударение (*кorno-* 'дорога', в других диалектных *ko-rno*, *ko-rnā*).

Глава о вокализме завершается весьма существенным разделом, посвященным гармонии гласных и словесному ударению. Гармония гласных, учитывающая переднерядность и заднерядность, а также лабиальность и иллабиальность гласных, в принципе изложена правильно. Можно было лишь уделять больше внимания прогрессивной и регрессивной гармонии гласных. В тенденции перемещения ударения на конечный слог автор видит влияние тюркских языков, что и представляет собой общепринятую точку зрения.

Во второй главе (с. 88—190) анализируются 28 согласных фонем и 4 их аллофона (в литературном языке, согласно опубликованной в 1960 г. фонетике литературного языка, 22 согласные фонемы). Характерны для КУ палатализованные *š*, *ž* и *đ*. Серия глухих смычных КУ в последнее время пополнилась фонемой *t'*, которая встречается только в русских заимствованиях и при этом во всех позициях. В более старых заимствованиях рус. *t'* в КУ заменился на *ĕ* (*koĕelo-k* от *котелок*). В группе звонких слабосмычных согласных помещены *b*, *ð*, *ɣ*. Представляется, что *b* не подходит к этому ряду из-за своих артикуляционных свойств. Артикуляционная сущность *β*, *ð*, *ɣ* в марийском языкознании дискутировалась: их считали щелевыми, слабосмычными и даже обычными смычными. Автор правильно показывает, каким образом *b* возник как позиционный вариант в сочетании *mb* (*ko-mbo* 'гусь') и широко вошел в заимствования. В наше время его фонологическая независимость реализуется именно в заимствованиях. Очевидно, Куклин присоединяется к мнению Г. С. Патрушева, согласно которому в современной фонологической системе *b* составляет оппозиционную пару

с глухим смычным *p* (с. 105). Автор обошел проблему, связанную с возможностью выступления *d* и *g* в качестве комбинаторных вариантов *ð* и *ɣ* в сочетании с гоморганным согласным (*n*, *ŋ*): *pu-ndðš* 'пень', *čoŋga* 'кулик' (ср. *β* — *b*: *ko-mbo*). На материале других диалектов это можно предполагать, и вопрос следовало бы затронуть. Кроме того, это означало бы добавление двух аллофонов в КУ.

В КУ имеется пять глухих щелевых согласных: *s*, *ś*, *š*, *f*, *h*. Примечательно, что *s* встречается в рассматриваемом говоре чаще, чем в лугово-марийском (*so-βəŋ* — *šo-βəŋ* 'мыло', *kəsa-l* — *kəša-l* 'кисель'). *ś* отсутствует во многих других диалектах и литературном языке. Большую частоту встречаемости имеет сибилант *š*. Он ведет свое начало от ф.-у. *š*, *s*, *ś*, *č* и встречается, естественно, также в заимствованиях. *f* и *h* (вместо *h* было бы целесообразнее использовать знак *χ*) укоренились в говоре в последнее время через посредство русских заимствований. В старых заимствованиях они субституировались большей частью в виде *p* и *k*. С достаточной основательностью проанализированы выступающие в звонком окружении звонкие щелевые *z*, *ž* и *ž*.

Из аффрикат встречаются *č* и *c*, последняя функционирует только в новорусизмах. По причине прогрессивной ассимиляции после *h* как позиционный вариант *č* выступает *č̣* (*oḥč̣a-š* 'смотреть'). Создается впечатление, что этот аллофон не

облигаторен, поскольку в той же позиции иногда бывает *č̣*: *üpsünč̣a-š* 'нюхать' (с. 50), *ðüñč̣a* 'мир, вселенная' (с. 111), *βolye-nč̣e* 'молния' (с. 156) и т. д.

Носовые, латеральные и дрожащие представлены правильно. Среди дрожащих *r*, который во многих других диалектах и не встречается, в КУ представляет собой фонему, статус которой он приобрел в последнее время.

В работе А. Н. Кукулина впервые экспериментально проанализирован фонетический состав одного из говоров марийского языка. В результате детального анализа представлена цельная система фонем говора. В ходе работы выявлены выступающие в КУ инновационные фонемы (или их аллофоны): *h*, *c*, *f*, *ð'*, *t'*, *r*, *g*, а также показано отличие системы фонем КУ от таковой литературного языка и отмечены отличия по сравнению с другими диалектами. Впервые на достоверном фактическом материале определены границы распространения красноуфимского говора. Работа вносит свой вклад в теорию фонетического и фонологического исследования диалектов и исследования межъязыковых контактов. В методологическом плане она являет собой хороший пример совместного применения синхронического и диахронического методов. Результаты исследования могут быть успешно использованы при составлении работ по фонетике и лексике марийского языка.

ПАУЛЬ КОКЛА (Таллин)